РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

A.G. Sokolov
Cadets of the Saratov Provincial Soviet Party School: Historical and Sociological Analysis

УДК 94(47)"1917/1991"(470.44):316.34/.35
ББК 63.3(2)6(235.54)+60.54

А.Г. Соколов

КУРСАНТЫ САРАТОВСКОЙ ГУБПАРТШКОЛЫ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина ведет отсчет своей истории от созданного в 1922 г. в Саратове Комвуза [1, с. 4]. Однако еще до этого в Саратове началась централизованная подготовка политико-управленческих кадров – в рамках Губернской советской партийной школы (Губсовпартшколы, далее – ГСПШ) [2].

В настоящее время на основании материалов Государственного архива новейшей истории Саратовской области можно составить обобщенный портрет наших земляков, девяносто лет назад «от сохи» пошедших учиться политической науке и практике в той версии, которая существовала в молодом Советском государстве. Источниковой базой исследования послужили 285 опросных листов курсантов, зачисленных летом 1921 г. в Саратовскую ГСПШ [3]. Всего предполагалось поступление в ГСПШ 327 курсантов, однако 38 из них не были допущены до занятий по состоянию здоровья, а четверо – по не указанным в опросных листах причинам.

Опросный лист представлял собой своеобразную комбинацию собственно опросного листа абитуриента и личного дела курсанта – на нем делались пометки о выдаче курсантских удостоверений, зачислении в тот или иной учебный взвод, убытии из ГСПШ и т.п. Опросный лист содержит 48 вопросов, на которые курсанты должны были давать достаточно краткие (1–3 строки) ответы. Вопросы можно условно поделить на следующие блоки: социально-демографические данные, трудовой опыт и мотивация к учебе, культурно-политическая база знаний курсанта, опыт партийной работы, опыт военной службы, опыт профсоюзной и советской работы.

Общие заметки по заполнению и сохранности опросных листов. Опросные листы курсантов школы, несмотря на то что должны были стать официальными документами, заполнены весьма эклектично. Подразумевалось, что курсанты достаточно грамотны для самостоятельного заполнения листов, но, как минимум, четыре анкеты заполнены делопроизводителем ГСПШ. На многих анкетах имеются сделанные делопроизводителем правки (ввиду малограмотности курсантов).

Чаще всего анкеты заполнены простым карандашом, коричневыми или фиолетовыми чернилами, реже – синими, зелеными, черными или красными чернилами, химическим или синими карандашом. Заполненные простым карандашом опросные листы сильно выцвели, то же касается и отдельных заполненных чернилами анкет. Клякс нет, но почерк заполнявших опросные листы курсантов нередко совершенно неразборчив вследствие малограмотности и слабой привычки к письму, а также плохих перьев и карандашей. Часть записей в отдельных опросных листах нечитабельна. Степень заполненности опросных листов варьируется от указания имени и фамилии до развернутого ответа на все 48 вопросов даже тогда, когда отвечать на них нечего.

Социально-демографические характеристики курсантов ГСПШ. Среди курсантов, начавших в 1921 г. свое обучение в ГСПШ, большинство – мужчины. Только 27,7% будущих советских и партийных работников были женщинами. Курсанты были преимущественно молодыми: средний возраст – 20 лет, учащиеся старше 30 лет составляли меньше 4%. Самой старшей курсантке ГСПШ, Анне Антиповой, было 36 лет [3, д. 558, л. 1], самому младшему, Александру Лапкину, только 14 лет [3, д. 560, л. 103].

Большинство курсантов не обременены собственной семьей: холостяки и девицы составляли в сумме 76,1%, остальные были семейными, и только один 29-летний курсант указал, что он вдовец. В опросном листе требовалось указать свое сословие до революции. Часть курсантов (14,7%) этого не сделали; 58,6% причисляли себя к крестьянам; 17,9% – к рабочим и мастеровым; 5,3% – к мещанам; 2,5% – к служащим; 1,1% – к высшим сословиям (двое потомственных почетных граждан и одна дворянка).

В ГСПШ были зачислены курсанты 11 национальностей. Больше всего оказалось русских – 78,9% всех зачисленных (многие в графе «национальность» указывали «православный» или «христианин»); 5,6% курсантов были украинцами (малороссами, как тогда было принято говорить); 5,3% – татарами (иногда писали просто «мусульманин»); 4,6% – мордвинами. Представители остальных национальностей – немцы, армяне, чуваши, белорусы, поляки, евреи, эс-

тонцы – составили в сумме 3,4% курсантов этого набора. В 2,5% опросных листов не была указана национальность заполнившего.

Занятость и карьерные ожидания первого набора курсантов. Только в 246 из 285 опросных листов указан род занятий курсантов: больше всего было крестьян – 23,9%; низкоранговых служащих (канцеляристы, письмоводители, делопроизводители) – 19,3%; квалифицированных рабочих (механики, токари, электротехники) – 7,7%. Остальную массу составляли занятые в легкой промышленности кустари (портные, сапожники), работники связи и печатного дела (телеграфисты, телефонисты, наборщики), чернорабочие, учителя и т.д.

Курсанты направлялись на учебу различными организациями. Четверть курсантов прибыли от волостных, уездных и районных комитетов РКП(б); 10,1% – с военной службы (из самых разнообразных частей – от проверенной подавлением Кронштадтского восстания 27-й Омской стрелковой дивизии [3, д. 560, л. 85] до 3-й отдельной штрафной роты [3, д. 560, л. 154]); 8,1% – из других учебных заведений (преимущественно Покровской уездной совпартшколы); 5,6% – от различных ячеек КСМ; 5,2% – по направлению губернского комитета РКП(б); по 4,2% – с производства и из органов безопасности (милиция и территориальные органы ВЧК). Несколько курсантов добились зачисления в школу по собственному желанию, без направлений.

Карьерные ожидания курсантов не отличались особым разнообразием: 14% курсантов хотели продолжать получать общее, специальное или политическое образование; по 9,5% предполагали подождать до конца обучения, чтобы посмотреть, к чему они окажутся пригодны, или же работать в сфере политики; 7,4% желали бы вернуться на прежнее место работы; 3,5% зачисленных хотели быть направленными на административные должности; 3,2% – работать в сельском хозяйстве; 2,8% – в культурно-просветительской сфере; 2,5% – в кооперации; 1,8% – на советской работе; 3,1% курсантов желали перевестись в другие регионы. Попадались и более оригинальные карьерные планы: так, 29-летний беспартийный крестьянин Алексей Кабанов, участник Первой мировой и Гражданской войн, зачисленный в ГСПШ по собственному заявлению, хотел быть направленным «в жалкое темное село или деревню, где не знают истории жизни» [3, д. 560, л. 79], а 18-летний коммунист Николай Макаров, работавший в отделе связи Саратовского губисполкома надсмотрщиком телеграфа, просил направить его «куда угодно, только не в отдел связи» [3, д. 560, л. 142].

Культурный уровень и политическая грамотность курсантов ГСПШ. Образовательный уровень курсантов был в целом невысок. Большинство из них (41,1%) указали, что имеют законченное начальное образование (церковно-приходскую или сельскую школу, высшее начальное училище, хотя эти заведения давали образование между начальным и средним); 22,5% курсантов не имели даже полного начального образования, отучившись 1–2 года (а чаще – только зимы) в сельской школе; 1,8% курсантов читать и писать учились самостоятельно; 1,1% вообще были при поступлении неграмотными; 2,1% курсантов – татар и поляков – получили начальное образование на родном языке, в результате чего по-русски были малограмотны.

Законченным средним образованием (в рамках реального училища, гимна-

зии или новой единой трудовой школы) могли похвастать только 3,2% первого набора ГСПШ, еще 14% курсантов оставались с незаконченным средним образованием (некоторые еще учились к моменту зачисления в ГСПШ). Только 1,4% всех курсантов имели профессиональное образование – технические вечерние курсы [3, д. 559, л. 48], курсы механиков [3, д. 561, л. 55] и т.п. Высшего образования ни у кого не было.

Большой начитанностью курсанты похвастаться не могли. Около трети указали в опросных листах, что вообще никаких книг не читали. Самыми читаемыми из отмеченных оказались классики русской литературы: А.С. Пушкин (указали 23,2% курсантов), Л.Н. Толстой (19,6%), Н.В. Гоголь (12,6%), М.Ю. Лермонтов (10,9%). Достаточно много читали Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и М.А. Горького. Встречались даже читавшие Г. Гегеля и Ч. Дарвина. Всего в списке знакомых курсантам писателей – 61 фамилия.

Примерно то же положение было и с театром. Большинство (71,9%) курсантов признавали, что видели хотя бы одну пьесу, при этом среди них были как профессиональные актеры, так и несколько актеров-любителей. Самым популярным спектаклем, видимо, можно считать «Савву» Л. Андреева (упомянут в 9,5% анкет). На втором месте – «Безработные» украинского драматурга М. Ирчана (пьесу видели 4,3% курсантов). На третьем месте – «Бедность не порок» А.Н. Островского (упомянули 3,9%).

Газеты курсанты читали чаще, чем книги: 82,1% курсантов хоть изредка, но читали те или иные печатные издания. Среди наиболее упоминаемых в опросных листах – «Известия» центрального, губернского и уездных изданий (46,7% курсантов), «Беднота» (21,8%), «Правда» (13,7%); кроме того – камышинский «Набат», петровский «Коммунист», армейские издания и татарский «Ялкон».

Почти треть курсантов начали читать газеты в революционный 1917 год. До революции прессой интересовались лишь 2,5% курсантов, хотя, например, 32-летняя Ольга Рождественская газеты читала еще с времен революции 1905 г. [3, д. 561, л. 97]. Начали интересоваться печатным словом только в 1921 г. 8,6% курсантов, а 17-летняя Агриппина Ариничева указала, что стала читать газеты, только «как поступила в Губпартшколу» [3, д. 558, л. 23].

Лишь чуть больше трети (36,1%) курсантов отметили, что читали какую-либо литературу по общественным вопросам. Назывались работы Ленина, Троцкого, Бухарина, но в единичных случаях. При этом курсантам предлагалось перечислить прочитанное из «обязательного минимума» коммунистической литературы. В него входили брошюра Ш. Дикштейна «Кто чем живет», «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Эрфуртская программа» СДПГ К. Каутского, книга К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», книга Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского «Азбука коммунизма», брошюра Н.И. Бухарина «Программа коммунистов (большевиков)», Программа РКП, принятая на VIII съезде партии в 1919 г. 50,2% курсантов отметили, что хоть что-то из этого списка они прочитали или хотя бы начали читать. Судя по всему, около 15% курсантов не понимали, что такое «литература по общественным вопросам», не выбрав ничего из предложенного минимума. Степень зна-

комства с трудами марксистов у курсантов разнообразная – от «читал всякие, но не усвоил и другим не могу объяснить» [3, д. 561, л. 79] до «всё и многое другое» [3, д. 560, л. 95]. Знакомы с программой хотя бы одной политической партии 36,5% курсантов; 18,2% – знакомы с Программой РКП (б); 4,9% – с программой меньшевиков; 4,2% – с программой социалистов-революционеров; 3,9% – с анархистским учением. Примечательно, что 3,5% курсантов считали Российский коммунистический союз молодежи отдельной партией.

Общественно-политическая активность курсантов ГСПШ. Более-менее регулярно участвовали в различных митингах, профсоюзных и партийных собраниях 80% курсантов; 25,6% курсантов имели опыт выступлений на подобных мероприятиях хотя бы на уровне местной партийной ячейки. Двадцатилетний курсант Валентина Долганова, например, «выступала [на собраниях] до 200 человек перед рабочей молодежью и крестьянством» [3, д. 559, л. 15 об]; 29,8% курсантов хотя бы раз в жизни председательствовали на собраниях.

До поступления в ГСПШ в культурной и политической просветительской работе в рамках различных кружков и уездных партшкол участвовали 41,4% курсантов. Вели эти кружки и занимались прочей активной просветительской работой 20,7% курсантов; 3,9% курсантов занимались творчеством: писали рассказы, стихи (в том числе политические), статьи в газеты, и по большей части их творчество было опубликовано (преимущественно в районных и уездных изданиях, но иногда и в губернских «Известиях»).

Состояли в РКП(б) 36,8% курсантов, еще 15,1% были кандидатами в члены партии, а 6,7% состояли в РКСМ. Только трое курсантов оказались ранее как-то связаны с другими партиями: 23-летний железнодорожный телеграфист Дмитрий Ефремов весной – летом 1917-го был членом социал-демократической партии (эсдеков) [3, д. 559, л. 74 об]; 35-летний приказчик Петр Попович до революции «посещал кружок социалистической партии» (неясно какой – эсеров или эсдеков) [3, д. 561, л. 38 об]; и 23-летний железнодорожный рабочий Генрих Панек, до того как покинул польскую армию, состоял в «Польской организации войсковой» и «Скаутах» [3, д. 561, л. 55 об].

Средний партийный стаж курсантов насчитывал около года с четвертью. Единственным указавшим дореволюционный партийный стаж (с 5 июля 1917 г.) был упомянутый Дмитрий Ефремов, еще двое курсантов вступили в партию во время Октябрьской революции 1917 г. Несколько курсантов, как, например, 18-летняя Евдокия Коробнова, получили партбилеты непосредственно перед зачислением в ГСПШ [3, д. 559, л. 76 об].

Незначительная часть курсантов (2,5%) указали, что подвергались репрессиям за свои политические убеждения. Так, Дмитрий Ефремов «в 1919 при Деникине был осужден к вечной каторге» [3, д. 559, л. 74 об], 20-летняя Мария Кустова «со стороны банды Носаева – ранена» [3, д. 560, л. 49 об], а также Генрих Панек «в Польше [пробыл] 1,5 месяца под военным судом за агитацию – бежал» [3, д. 561, л. 55 об].

Примечательно, что 30,2% курсантов вели ту или иную партийную работу. Они занимали должности секретарей партийных ячеек на производстве, в армии и по месту жительства, работали инструкторами уездных и районных комитетов

партии, возглавляли местные, волостные и уездные комитеты партии, были армейскими политруками и комиссарами, заведовали женотделами, вели агитацию.

Участие курсантов ГСПШ в Первой мировой и Гражданской войнах. Определенная часть курсантов имели опыт участия в Первой мировой («империалистической», как ее тогда называли) войне. Таких в рассматриваемом наборе ГСПШ насчитывалось 13,7%, при этом один курсант имел опыт командования ротой, а трое – взводом.

Гораздо больше курсантов имело опыт Гражданской войны. В ней принимало участие 38,2% зачисленных в ГСПШ, при этом 2,1% курсантов участвовали в боях Гражданской вне рядов Красной армии. 17,5% участников Гражданской застало лишь борьбу с бандами в 1921 году – часть курсантов, например, участвовала в борьбе с «бандой Попова» в Баландинском районе Саратовской губернии. Пятеро курсантов занимали те или иные командные должности, восемь по должности занимались в армии политработой.

8,1% курсантов занимали в армии выборные должности – в том числе в период существования полковых комитетов в 1917 году. 13,3% занимались агитацией и пропагандой – организовывали первичные партийные ячейки, вели с однополчанами беседы на политическую тематику, коллективно читали агитационную литературу и т.д.

Профсоюзная и советская работа курсантов. Чуть меньше половины курсантов (44,2%) на момент зачисления в ГСПШ или до того состояли в каком-либо из многочисленных профсоюзов первых послереволюционных лет. Некоторые – например 17-летний электротехник из саратовской губмилиции Николай Журлов – указали, что состояли в нескольких профсоюзах [3, д. 559, л. 87]. При этом почти все курсанты в профсоюзах находились на положении рядовых членов. Только 25-летний крестьянин из Александрова Гая Иван Бирюков указал, что он является председателем волостной профсоюзной организации [3, д. 558, л. 52].

Больше трети (37,2%) курсантов указало, что имеют тот или иной опыт советской работы. 16,5% работали в советах по назначению, 13,7% занимали различные выборные должности в советах, 10,5% работали в органах советской власти по найму. Среди занимавших выборные должности большинство были рядовыми членами сельских и городских советов, встречались секретари и председатели сельсоветов.

Судьба курсантов ГСПШ. На некоторых опросных листах имеются пометки, рассказывающие о судьбе курсантов ГСПШ. Часть из них касается учебы в школе (распределение по взводам, выдача курсантского удостоверения и т.д.), а часть – путей выхода из школ.

Наиболее благоприятной для курсантов была запись: «Окончил(а) IV сессию, откомандирован(а) в Москву на методические курсы». Таких в этом наборе набралось 14 человек, или 4,9% всех курсантов. Вдобавок один из курсантов, 19-летний крестьянин из Тепловки Дмитрий Бекетов, изъявивший желание «закончить свое образование», был направлен в 3-ю железнодорожную школу специалистов [3, д. 558, л. 43].

Значительная часть курсантов была откомандирована по месту предыдущей

работы (службы) или в распоряжение Саратовского губкома РКП(б) – чаще всего без уточнения причин и времени откомандирования. Таких в первом наборе набралось 37,9%. Некоторые из этих курсантов были по тем или иным причинам отчислены, другие – не могли продолжать учебу из-за необходимости пребывания на иной работе.

Пятеро курсантов во время учебы отчислены по состоянию здоровья; восемь – из-за того, что уже после зачисления изъявили нежелание учиться в партшколе, при этом двое отчисленных начальником ГСПШ Щербаевым охарактеризованы как недостойные членства в РКСМ и РКП(б). Примечательно заявление на имя начальника школы, которое написал с просьбой об исключении один из разочарованных курсантов, 25-летний политрук из 27-й Омской стрелковой дивизии Первой конармии Станислав Пахмутов (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «Прошу вашего разпоряжения об откомандировании нас в свою часть т-е в Первую Конармию ввиду того что мы кавалеристы и у нас нет никакого желания к парткурсам а желательно на командирские кавкурсы. К тому же у нас отсутствует обмундирование каковое мы в части получили. Просим принять во внимание» [3, д. 561, л. 51].

Исключены из ГСПШ 16,8% курсантов, при этом не всегда указывалась причина исключения; 13 человек отчислены за дезертирство из школы, один – за мелкую кражу.

Подводя итоги исследования, можно составить обобщенный портрет курсанта Саратовской ГСПШ 1921 г.

Это мужчина примерно 20 лет, холостяк, русский, из крестьян. Образование – начальное. Читал Пушкина и Льва Толстого, регулярно читал «Известия», ходил в театр. Какую-то литературу по общественно-политическим вопросам читал, с Программой РКП(б) хотя бы поверхностно был знаком.

На учебу направлен местным или волостным комитетом партии. Ходил на митинги и собрания, но не выступал на них. Участвовал в работе культурно-просветительских кружков. В РКП(б) состоял около года, партийной работой занимался в лучшем случае на низовом уровне. Состоял в профсоюзе, имел некоторый опыт советской работы. Заявил об участии рядовым в Гражданской войне, но скорее всего имел в виду борьбу с «бандами» в родном уезде. По окончании школы откомандирован в распоряжение губкома партии в своеобразный «кадровый резерв».

Конечно, из этого портрета существовало много исключений. Судьбы курсантов Саратовской ГСПШ разнообразны, и их нельзя свести к единому образцу. Даже спустя 92 года, на основании проанализированных опросных листов, можно воссоздать лишь отдельные индивидуальные их черты и то, что их объединяло, – желание получать новые знания в области политики и управления. Аналогичное стремление почти век спустя присуще и студентам Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Библиографический список

1. *Аяцков Д.Ф.* Подготовка управленческих и партийных кадров в Саратове: от Комвуза до Президентской академии // Вестник ПАГС. 2012. № 3.

2. *Абакумов О.Ю.* Создание и деятельность Саратовской губернской совпартшколы // Вестник ПАГС. 2013. № 4.
3. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 558–562.

O.M. Alekhina
All-Russian Scientific and Practical Conference "Mechanism of Free Legal Assistance in the Russian Federation: State and Perspectives of Development" (Tambov, Administration of the Tambov Region, Tambov Second Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; June 20, 2013)

УДК 34
ББК 67

О.М. Алехина

Всероссийская научно-практическая конференция «Механизм оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: состояние и перспективы развития» (г. Тамбов, Второй Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 20 июня 2013 г.)

В работе конференции приняли участие более ста тридцати человек из разных регионов Российской Федерации, в том числе Москвы, Саратова, Тамбова, Липецка, Белгорода, Махачкалы, Таганрога и других. Пленарное заседание конференции проходило в формате дискуссионной панели и транслировалось в режиме видеоконференции в районы Тамбовской области.

Модератор заседания – **О.М. Алехина**, заведующий кафедрой частного права Второго Тамбовского филиала РАНХиГС, руководитель направления деятельности филиала по оказанию бесплатной правовой помо-